

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-601-612>

<https://elibrary.ru/HYPHWD>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

А.А. Пауткин
К РЕЦЕПЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX В. (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции восприятия «Слова о полку Игореве» в русской прозе XX в. Вокруг «Слова» как прецедентного текста отечественной культуры возникло огромное интермедиальное поле. Влияние средневекового памятника на литературу прежде всего сказалось в лирике. Эта сторона рецепции изучалась более полно. Не столь часто в этом аспекте привлекали внимание исследователей прозаические произведения. Их рассмотрение осуществлялось фрагментарно. Исчерпывающий учет творческих обращений к «Слову» в прозе XX в. невозможен. Слишком широк спектр авторских прочтений и трактовок. В статье предпринята попытка систематизации форм и направлений рецепции, а также намечены наиболее востребованные в новой литературе мотивы, образы и фрагменты памятника XII в. Традиционным обращением к «Слову» является использование его фрагментов в качестве эпиграфов. Особую роль играет текст-памятник в создании эффекта эпического звучания текста-реципиента. В ряде произведений характер рецепции можно определить как сюжетный. Судьба «Слова» выступает в качестве отправной точки всего повествования. Отмечаются факты сближения художественной и научно-популярной литературы. Привлекательным становится не только само «Слово», но и весь комплекс широко известных сведений об открытии и изучении памятника. На рубеже веков становится возможной деканонизация смыслов и даже их травестирование. Ряд обращений к памятнику XII в. в произведениях, не связанных с древнерусской тематикой, свидетельствует о высокой влиятельности, аксиологии «Слова».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», рецепция, прецедентный текст, русская проза XX в.

Alexey A. Pautkin

TO THE RECEPTION OF *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN* IN RUSSIAN PROSE OF THE 20TH CENTURY (MARGINAL NOTES)

Abstract: The article examines the main trends in the perception of *The Tale of Igor's Campaign* in Russian prose of the 20th century. A huge intermedial field has arisen around the Lay as a precedent text of Russian culture. The influence of the medieval monument on literature, first of all, was reflected in the lyrical works. This aspect of reception has been studied more fully. Not so often prose works attracted the attention of researchers in this aspect. Their consideration was carried out fragmentarily. An exhaustive account of creative appeals to *The Tale* in the prose of the 20th century is impossible. The range of author's readings and interpretations is too wide. The article attempts to systematize the forms and directions of reception, and also outlines the most sought-after motifs, images and fragments of the 12th-century literary monument in the new literature. The traditional appeal to *The Tale* is the use of its fragments as epigraphs. The monument text plays a special role in creating the effect of epic sounding of the recipient text. In a number of works, the nature of reception can be defined as plot. The fate of *The Tale* acts as the starting point of the entire narrative. The facts of convergence of fiction and popular science literature are noted. Not only *The Tale* itself becomes attractive, but also the whole complex of widely known information about the discovery and study of the monument. At the turn of the century, the decanonization of meanings and even their travesty becomes possible. A number of appeals to the monument of the 12th century in works not related to the Old Russian themes, testifies to the high influence, axiology of *The Tale*.

Keywords: *The Tale of Igor's Campaign*, reception, precedent text, Russian prose of the 20th century.

Повседневная педагогическая потребность обращаться к рецепции средневековых текстов писателями Нового времени, историко-функциональному аспекту изучения древнерусских произведений закономерно подводит к необходимости систематизировать факты подобного рода.

«Слово о полку Игореве» — прецедентный текст русской культуры. Вокруг «Слова» возникло огромное интермедияльное поле. Вот уже более двух столетий оно питает своими образами и мотивами нашу словесность, являясь в этом отношении абсолютным лидером в ряду наиболее известных памятников прошлого. Мифопоэтика па-

мятника предопределила многоплановость лирических откликов, которые постоянно находились в поле зрения исследователей. Не столь заметное, но весьма существенное воздействие «Слова» на прозаические произведения представлено в научных публикациях гораздо слабее. Наблюдения подобного рода обычно носят избирательно-фрагментарный характер.

Полный учет обращений прозаиков к «Слову» едва ли возможен. Слишком широк спектр авторских прочтений и трактовок. Иное дело — попытка наметить основные варианты и степень важности подобных взаимодействий при решении новых художественных задач. Кроме того, интересен вопрос: какие именно фрагменты и образы средневекового текста нашли свое преимущественное отражение в произведениях минувшего столетия, а какие не оказались востребованными.

Л.И. Сазонова, рассматривавшая обращения к «Слову» поэтов XX в., справедливо отмечала: «В связи с тем, что цитаты из “Слова” получают расширительную трактовку, возрастает уже весьма заметная популярность строк поэмы как эпиграфов» [4, с. 333]. В прозе эта тенденция намечается уже в конце XIX в. Так, в первых публикациях раннего пасхального рассказа И.А. Бунина «На Донце» (1895) читался эпиграф: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльняхъ, стлавшу ему зелену траву на свои сребреныхъ брезехъ, одевавшу его теплыми мъглами!» [5, с. 95]. В дальнейших переизданиях XX в. этот пространственный фрагмент обращения Игоря к Донцу исчезнет. Возможно, это связано с последовавшим изменением названия рассказа на «Святые горы», ведь писатель повествует о посещении Святогорского монастыря перед Великой Субботой («Чудная власть, которая дана прошлому» [5, с. 98]). В данном случае эпиграф не связан с темой военных испытаний, нет в нем и предсказуемой хрестоматийности. Гораздо чаще эпиграф отражает горестные раздумья о судьбах России. Такова, например, часть рефрена, использованная А.Н. Толстым в «Хождении по мукам» («О, Русская земля!» [20, с. 9]).

Историческая проза предлагает читателю в качестве эпиграфов более пафосные и по-своему ожидаемые фразы из древнерусской поэмы. Роману С. Бородина «Дмитрий Донской» (1942) предпослано обращение Игоря Святославича к дружине: «Братие и дружино! Луцѣ жъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои

бръзые комони да позримъ синего Дону» [6, с. 5]. А одну из глав книги Вал. Иванова «Русь изначальная» (1961, книга вторая) открывает фраза: «Черные тучи с моря идут. Хотят прикрыть четыре солнца, и в них трепещут синие молнии. Быть грому великому!» [11, с. 3]. Как видим, «Слово» цитируется то в оригинале, то в современном переводе. Эпиграф может открывать как все современное произведение, так и его отдельную главу или даже ее часть, как это происходит в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». К удивлению читателя, во второй главе дважды появляются эпиграфы из «Слова». Это — «Стреляеши с отня злата стола салтана за землями» [21, с. 114] и «Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплеснула лебедиными крылы на синем море» [21, с. 144]¹.

Широко известные фрагменты «Слова» обретают новое звучание, трагический оттенок. Пронзительная повесть К. Воробьева «Это мы, Господи!..» об ужасах немецкого плена получает особую интонацию благодаря отсылке к призыву древнерусского князя: «Луце жъ потяту быти, неже полонену быти» [8, с. 65]. Столь же многозначным оказывается цитирование Е. Носовым в «Усвятских шлемоносцах» строк: «И по Русской земле тогда редко пахари перекликались, но часто граляли враны» [16, с. 5]. Судьбы русской деревни и ее обитателей в годы войны символизирует этот фрагмент памятника XII в.

Особая роль отводилась «Слову» при создании эффекта эпического звучания текста-реципиента. Цитирование как прием, чужое слово в авторском контексте актуализировались в 20-е гг. XX в., во время становления советской литературы. Это так называемая орнаментальная проза. Отражение событий Гражданской войны на степном юге России подталкивало к поиску созвучий в поэтическом отклике на поход Игоря Святославича. И если у А. Малышкина в «Падении Даира» (1923) заметны лишь эпизодические вкрапления (например, «Как это? Русь, уже за шеломянем еси?.. В бескрайном курганы уплывали, как черные — на заре — шеломы: назад, в сумерки, в историю...» [14, с. 17]²), то в повести Б. Лавренева «Полынь — трава» (1925, первое название — «Кровный узел») реминисценции из «Слова» столь

¹ О функции этих цитат в тексте романа см.: [3].

² В «Автобиографии» А. Малышкин писал о своей увлеченности «Словом». См.: [13, с. 25–26].

обильны, что подчас ощущается их явная избыточность. Пожалуй, по насыщенности прямыми и перефразированными цитатами повесть не имеет себе равных в литературе XX в. Патетическая декоративность стилизации в свое время вызывала критические замечания.

Композиционно отсылки к «Слову» главным образом сосредоточены в начале и на финальных страницах повести. Если во вступлении возникают осторожные намеки на источник описаний южных пространств, например «пороги Угорские», «море Тьмутараканское» [12, с. 364–365], то затем на смену не столь явной ассоциативности приходит точная цитата. Она незаметно перетекает в авторский текст через незначительную языковую трансформацию. Происходит своеобразный диалог автора с древним источником. Цитатное вторжение столь значительно, что иногда текст производит впечатление коллажа. Пространные фрагменты претекста видоизменяются через использование менее архаичных синонимов, нарушение порядка слов, изменение грамматического времени. При этом сохраняется ритмическая организация источника. Вот несколько примеров: «И тогда в Русской земле редко выходили на ниву пахари, но часто каркали вороны, деля между собой трупы, и поднимали стрепот галки, собираясь лететь на кормежку, густо усеялась степная пахучая целина костями под конскими копытами, полилась кровью — возрастала же щедро печалью по всей стране» [12, с. 389].

Лавренев использует образы битвы. Но, подобно создателю «Задонщины», перелицовывает претекст. Каяла заменяется на реку Маныч, а поражение Игоря — на гибель белой конницы: «Бились день, бились другой, на третий пали штандарты с георгиевскими лентами и поволоклись в густой пыли» [12, с. 390]. Бойцы Первой конной сравниваются с курыями Буй-Тура Всеволода: «Суровы были бойцы, возвращенные трубными зовами, взлелеянные под богатырками, вскормленные стальными жалами пик, были им ведомы все дороги и знакомы овраги, крепко натянуты поводья, метки винтовки и отточены сабли. И скакали полки, как серые волки в поле, ища себе чести, а красному краю славы» [12, с. 389]. А черноусый Семен Буденный, «наполнясь ратного духа, навел полки свои на разбойную землю половецкую, за красную Русь» [12, с. 388]. Вместо «каленых стрел» «с утра до вечера, с вечера до золотопламенной зари летят кусачие пули, гремят встречно клинки, трещат пики» [12, с. 390].

Автор не использует образ Бояна, столь популярный в поэзии XIX в., зато дважды обращается к мифическому Диву. Как и в «Слове», Див «кличет вещим голосом», пророча беду, но наделен он у Лавренева «двумя коронованными головами» [12, с. 365].

В финале повести возникают строки, отсылающие к плачу Ярославны: «Одинок кукует Ярославна на городской стене <...>, но Ярославне плакать до века» [12, с. 392]. Вообще, этот самый известный фрагмент «Слова» не частый гость в прозе. Он появляется лишь в тех случаях, когда в тексте-восприимчивике значительно усилено лирическое начало. Примером может служить «Слово о погибели земли Русской» (1917) А. Ремизова: «Я кукушкой кукую в опустелом лесу твоём, где гниет палый лист: Россия моя погибла» [17, с. 404] — или: «Сорвусь со скалы темной птицей тяжелой, полечу неподвижно на крыльях» [17, с. 410]. Обращение к плачу выглядит тут не столь явным, но источник лирической медитации без труда угадывается, вызывая вполне однозначные ассоциации.

Следующий вид рецепции можно назвать сюжетным. «Слово» выступает тут в качестве отправной точки всего повествования. Чужое слово не играет здесь сколько-нибудь заметной роли. Оно лишь подразумевается, является скрытым поводом для строительства сюжетного здания. В качестве примера приведем два рассказа, их объединяет военная тематика и педагогические мотивы.

Первый из них так и называется «Слово о полку Игореве» (1943) и принадлежит перу Всеволода Иванова [10]. Это незатейливое повествование о том, как бывший тамбовский учитель сержант-артиллерист Сергей Животенков, оказавшись на руинах школы в освобожденном смоленском селе, видит роющихся в хлам детей. Он назначает им время для проведения урока о «Слове». После трех дней непрерывных боев сержант выполняет свое обещание. Но усталость берет свое. Во время урока он засыпает, и ему видится Игорь. Проснувшись, он обнаруживает, что дети тихо сидели в ожидании продолжения урока в течение двух часов. Урок продолжается, а после его окончания Животенков возвращается к своим воинским обязанностям.

В раннем рассказе В. Шукшина «Экзамен» (1962) «Слово» оказывается поводом для осмысления героями сложных вопросов, диктуемых самой жизнью, а не только литературой [24]. Профессор-филолог обнаруживает, что экзаменуемый студент не читал «Слово».

Постепенно выясняется: студент-фронтовик на себе испытал ужасы плена. Он лучше профессора понимает страдания князя Игоря. Так экзамен по-своему затрагивает чувства обоих его участников.

Упомянем и о публицистике. Здесь «Слово» — средоточие наиболее пафосных суждений авторов. Особое место памятнику отводилось в статьях и речах, призванных поднимать дух сограждан в годы Великой Отечественной войны. Так, в публицистике этих лет А.Н. Толстой не менее семи раз обращался к памятнику XII в.

В поздний советский период под влиянием научных публикаций происходит сближение художественной и научно-популярной литературы. Подобные тексты имеют свою читательскую аудиторию, набирают популярность. Нередко их тематика навеяна исследованиями медиевистов. Нельзя не упомянуть в этой связи роман-эссе В. Чивилихина «Память» (1980) [23], значительная часть которого посвящена проблемам изучения «Слова». Сюда же может быть отнесена и книга писателя и ученого-востоковеда И. Можейко «Загадка 1185 года. Русь – Восток – Запад» (1989) [15], где события определенного периода, ставшие основой самого известного памятника русского Средневековья, представлены на широком фоне мировой истории.

Пожалуй, наименее востребованной частью «Слова» оказывается обращение к князьям, содержащее лаконичные характеристики активных деятелей второй половины XII в. Историческая конкретика призывов автора, вызывающая потребность в комментировании, препятствует включению данного материала в ткань повествования. Но и тут встречаются неожиданные исключения. Так, всепроникающее воздействие древнерусского текста можно заметить даже в произведении, абсолютно далеком от средневековой книжности. Это политический детектив. Поклонники приключенческой литературы, следящие за перипетиями сюжета, скорее всего, не придадут значения мимолетной отсылке к «Слову». Тем не менее она важна и уместна в плане выстраивания культурно-исторического контекста. Речь идет о романе Ю. Семенова «Третья карта (июнь 1941)» (1975) [18] — не самой известной книге из серии романов о деятельности советского разведчика Исаева/Штирлица.

Уже из названия ясно, что в книге рассказывается о событиях, предшествующих нападению Германии на СССР. На территории генерал-губернаторства идет скрытая подготовка к войне, включающая и

работу с украинскими националистами. Читатель оказывается свидетелем беседы Штирлица с лидером ОУН Андреем Мельником. Встреча происходит в оккупированном Кракове. Обсуждается вопрос привлечения немцами к сотрудничеству Бандеры и Шептицкого. В этой связи возникает тема истории Галицко-Волынской Руси, судеб Западной Украины, противостояния православия и католицизма. Штирлиц мысленно обращается к далекому прошлому, древнерусским реалиям. В форме внутреннего монолога героя в повествование входит знаменитый панегирик Ярославу Осмомыслу: «Галицкий Осмомысле Ярославе высоко сидиши на златокованном столе...»³.

Высокая степень интегрированности «Слова» в русскоязычную культуру находит свое подтверждение даже в текстах, никак не связанных ни с содержанием, ни с идеями памятника. Книга воспоминаний В. Жаботинского названа «Слово о полку» (1928) [9]. В ней рассказывается о борьбе еврейских добровольцев против турецких войск в годы Первой мировой войны. Это подразделение (так называемый Еврейский легион), созданное в Палестине, доблестно сражалось на стороне Великобритании.

Следует особо выделить обращения не только к тексту самого произведения, но и ко всему кругу хрестоматийных сведений и положений, касающихся истории рукописи и восприятия памятника в отечественной культуре. Парадоксальная ситуация возникает на страницах романа А.И. Солженицына «В круге первом» (1958) [19]. Самого известного узника русской литературы коллективно судят сидельцы сталинской шарашки. Участники этого гротескного процесса привлекают целый комплекс доводов вины Игоря, выходящих за рамки содержания широко известного произведения. Это, пожалуй, первый и весьма редкий случай саркастического «посягательства» на авторитетный претекст.

Своеобразная канонизация смыслов «Слова» делала до недавнего времени невозможным их снижение и тем более травестирование. Ситуация меняется на рубеже веков. Как иронически замечает один из персонажей Е. Водолазкина: «Припав к истокам отечественной словесности, обозначил пунктирно эрудицию и патриотизм» [7,

³ В прозе этот фрагмент «Слова» был использован в переосмысленном виде еще М. Загоскиным в романе «Аскольдова могила» (1833).

с. 153]. На волне постмодернистской «игры в осколки» [1] появилось свидетельство уязвимости прежней аксиологии. Нелитературоцентричная эпоха сделала достигаемым для постмодернистского эксперимента и деконструкции даже далекое литературное прошлое. Дорогу к подобной рецепции открыла все та же прецедентность «Слова», его узнаваемость читателем, формирующаяся еще в школьные годы.

В 2001 г. вышел роман Хольма ван Зайчика (совместный псевдоним ученых-китаистов Вяч. Рыбакова и И. Алимова) «Дело о полку Игоре́ве». Действие романа, жанр которого определяется то как детектив, то как фантастика или даже антиутопия, происходит в государстве Ордусь. Жизнь тут организована на евразийских началах, поэтому достигнуто слияние русской и азиатской культур. Ордусь поклоняется «Слову о полку Игоре́ве», которое знаменует главную идею мироустройства — единство народов и культур. Произведение хранится во всех библиотеках, изучается в школе. Это единственный в своем роде бескровный эпос, повествующий о том, как князь Игорь едет к своим друзьям Гзаку и Кончаку, чтобы вступить в брак с прекрасной Кончаковной. Ярославне здесь вообще нет места. Все с детства знают, что на берегу Каялы три дня русичи пировали с дружественным народом половцев. Подпольно среди членов националистической организации существует другое «Слово». В нем все наоборот. Игорь и русичи представлены неприглядно. Это не «светлая пиршественная песня», а кровавый апокриф. Ему и поклоняются члены прорусской организации, которые именуются Игоревичами. Официальную версию они считают подделкой, а за свою готовы умереть с криками: «Себе чести, а князю славы!» [22, с. 217]⁴.

Авторы смело, не без эпатажа, играют не только с текстом слова, иронически явлены основные вехи истории открытия и изучения памятника. Подобное прочтение, конечно, существенно отличается от упомянутого интеллектуального упражнения героев Солженицына, лишенных свободы и принужденных к подневольному труду.

Казалось бы, «Слово» должно было стать основой немалого числа произведений исторической прозы. Но события 1185 г. словно отпугивают литераторов. Конечно, можно назвать несколько подобных текстов, которые не способны обозначить собой некую заметную

⁴ Подробнее об этом романе см.: [2].

тенденцию в литературе XX в., ознаменованного расцветом исторической романистики. Наиболее известные примеры — повесть И. Новикова «Сын тысяцкого» (1938) или переведенный с украинского к очередному юбилею «Слова» роман В. Малика «Князь Игорь. Витязи червлёных щитов» (1985 — в украинском оригинале «Черлені щити»).

Известно, сколь неоднозначно определялась исследователями жанровая природа «Слова». Это и воинская повесть, и песня, и ораторское произведение. Б. Лавренев воспринял прежде всего эпическую составляющую мифопоэтики древнего памятника и в определенной степени его близость к жанру воинской повести — А. Ремизову оказался ближе ораторский элемент звучания «Слова». А во многих эпиграфах сказалась песенно-лирическая стихия.

Завершая краткий обзор основных тенденций в недавней истории «прозаической жизни» «Слова», подчеркнем разнообразие форм его творческого восприятия, устойчивый и постоянный интерес к его мотивам и образам. Художественная актуализация памятника не испытывала на себе явных социально-исторических воздействий, как это происходило в литературной метрополии XX в. с некоторыми древнерусскими произведениями и целыми жанрами. В значительной степени все определялось авторскими стратегиями и тематикой новых текстов. При этом очевидна неравномерность в обращении к тем или иным частям средневекового источника, вплоть до существования неких «зон рецептивного молчания». Предпочтение отдавалось универсальному в поэтике «Слова», тем его чертам, в которых и кроется основа его беспрецедентной влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Катаев В.Б. Игра в осколки. М.: Изд-во МГУ, 2002. 252 с.
- 2 Пауткин А.А. «Слово» и «Дело» о полку Игореве» (Русь наизнанку в романе Хольма ван Зайчика) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 6. С. 133–140. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-133-140
- 3 Ранчин А.М. Функции реминисценций из «Слова о полку Игореве» в романе Юрия Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 3. С. 24–32. DOI: 10.31857/S241377150005409-2

- 4 Сазонова Л.И. «Слово о полку Игореве» в поэтических контекстах XX в. // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 315–335.

Источники

- 5 Бунин И.А. Полн. собр. соч.: [т. 1–6]. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркса, 1915. Т. 2. 247 с.
- 6 Бородин С. Дмитрий Донской. М.: Сов. писатель, 1947. 376 с.
- 7 Водолазкин Е. Чагин. М.: АСТ, 2022. 378 [6] с.
- 8 Воробьев К. Убиты под Москвой. Это мы, Господи!.. М.: Худож. лит., 1987. 159 с.
- 9 Жаботинский В. Слово о полку. М.: Книжники, 2012. 252 с.
- 10 Иванов Вс. На Бородинском поле. М.: Сов. писатель. 1944. 204 с.
- 11 Иванов В. Русь изначальная. Книга вторая. М.: Сов. Россия, 1970. 432 с.
- 12 Лавренев Б. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 656 с.
- 13 Малышкин А. Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 25–26.
- 14 Малышкин А. Падение Даира. М.: Современник, 1987. 32 с.
- 15 Можейко И.В. Загадка 1185 года. Русь – Восток – Запад. М.: Вече, 2007. 480 с.
- 16 Носов Е. Усыятские шлемоносцы. М.: Молодая гвардия, 1980. 239 с.
- 17 Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. 690 с.
- 18 Семенов Ю. Третья карта. М.: Амфора. 2015. 352 с.
- 19 Солженицын А.И. В круге первом. М.: Книжная палата, 1990. 592 с.
- 20 Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 5: Хожделение по мукам. 640 с.
- 21 Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. Л.: Худож. лит., 1975. 480 с.
- 22 Хольм ван Зайчик. Дело о полку Игореве. СПб.: Азбука – классика, 2001. 414 с.
- 23 Чивилихин В.А. Память. М.: Худож. лит., 1988. 767 с.
- 24 Шукин В.М. Рассказы. М.: Худож. лит., 1979. 383 с.

REFERENCES

- 1 Kataev, V.B. *Igra v oskolki* [*Game of Pieces*]. Moscow, MSU Publ., 2002. 252 p. (In Russian)
- 2 Pautkin, A.A. “‘Slovo’ i ‘Delo’ o polku Igoreve (Rus’ naiznanku v romane Khol’ma van Zaichika)” [“‘Word’ and ‘Deed’ about Igor’s Campaign’ (Rus’ Inside Out in the Novel by Holm van Zaychik)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 6, 2022, pp. 133–140. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-133-140 (In Russian)
- 3 Ranchin, A.M. “Funktsii reministsentsii iz ‘Slova o polku Igoreve’ v romane Iuriia Tynianova ‘Smert’ Vazir-Mukhtara’.” [“Functions of Reminiscences from ‘The Tale of Igor’s Campaign’ in Yuri Tynyanov’s Novel ‘The Death of Vazir-Mukhtar’.”].

- Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 78, no. 3, 2019, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S241377150005409-2 (In Russian)
- 4 Sazonova, L.I. “‘Slovo o polku Igoreve’ v poeticheskikh kontekstakh XX v.” [“‘The Tale of Igor’s Campaign’ in Poetic Contexts of the 20th Century”]. “*Slovo o polku Igoreve.*” *Kompleksnye issledovaniia* [“*The Tale of Igor’s Campaign.*” *Comprehensive Research*]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 315–335. (In Russian)

Информация об авторе: Алексей Аркадьевич Пауткин — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: apautkin@yandex.ru

Information about the author: Alexey A. Pautkin, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, 1st housing, Leninskie gory, GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: apautkin@yandex.ru

Для цитирования: Пауткин А.А. К рецепции «Слова о полку Игореве» в русской прозе XX в. (заметки на полях) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 601–612. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-601-612>

© 2024, А.А. Пауткин

For citation: Pautkin, A.A. “To the Reception of ‘The Tale of Igor’s Campaign’ in Russian Prose of the 20th Century (Marginal Notes).” *Germevenvtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 601–612. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-601-612>

© 2024, Alexey A. Pautkin